

Когда за дверью послышался стук, Сяо Хунцзин лишь с огромным трудом заставил себя встать с кровати и одеться.

Лекарь тщательно прощупал пульс, но так и не разжал нахмуренных бровей. От этого зрелища сердце Сяо Хунцзина сковало холодом. Видя, что старик собирается повторить процедуру, он не выдержал и спросил:

— Что у него за болезнь?

— Это... — старик на мгновение замялся. — За десятки лет практики я не видел столь странного пульса. Жизненная энергия угасает, кровь и ци истощены, пульс слаб и едва уловим. По всем признакам — это уход из жизни.

Сяо Хунцзин, не веря своим ушам, воскликнул:

— О чем вы говорите!

— Однако внутри него течет некая густая и прохладная сила, которая его поддерживает, из-за чего тело остается ледяным, будто в преддверии зимних морозов, — лекарь от испуга начал запинаться. — Если смотреть в долгосрочной перспективе, срок жизни этого господина неизбежно сократится. Неизвестно лишь, как долго эта сила сможет его удерживать.

Сяо Хунцзин в отчаянии перебил его:

— Вы просто скажите, сможете ли его вылечить!

— Если постоянно поддерживать его драгоценными снадобьями, возможно, удастся продлить жизнь еще на несколько лет, но это лишь временная мера, корень проблемы не устранить, — дрожащим голосом произнес старик, озвучивая самый оптимистичный прогноз.

Сердце Сяо Хунцзина в одно мгновение рухнуло в ледяную бездну. Он с таким трудом осознал свои чувства и был так счастлив, надеясь связать свою судьбу с Чу Синхуанем. Но судьба оказалась жестока.

Проводив лекаря, он молча опустился на колени у кровати. Глядя на лицо Чу Синхуаня, бледное, словно лист бумаги, он ощутил, как внутри поднимается волна невыносимой скорби. Сжав кулаки, он глубоко вдохнул, пытаясь взять эмоции под контроль.

— Небо над головой, земля под ногами. Я, Сяо Хунцзин, приношу клятву: отдам половину отведенных мне лет за остаток его долголетия и здоровья. Если нарушу слово — пусть покарают меня небеса.

Он с силой сжал зубы и твердо произнес:

— Верь мне, ты обязательно поправишься. Я отдам всё, что у меня есть, сделаю всё возможное. Даже если придется перевернуть небо и землю, я вырву тебя из лап смерти.

Если ты поправишься, я готов отказаться от всей славы и власти, лишь бы оберегать тебя всю жизнь.

В глазах Сяо Хунцзина сияла решимость. Он понимал, насколько тяжела его клятва, но знал, что не имеет права сдаваться.

Чу Синхуань с трудом пошевелил кончиками пальцев. Но этого никто не заметил.

Если бы 006 мог говорить, он бы давно обругал этого бездарного лекаря. С таким супер-пупер могущественным системным помощником, как он, Хозяин мог бы прожить хоть десять тысяч лет, пережив восемнадцать поколений их потомков, и всё равно не умер бы!

Но никто этого не знал, и Сяо Хунцзин не узнает.

Он начал лично искать лекарей, день и ночь дежурил у постели Чу Синхуаня, согревая своим горячим телом его остывшую плоть. В душе он считал, что всё это того стоит. Особенно радостно ему становилось, когда он видел, как на бледных щеках постепенно появляется здоровый румянец. Он был несказанно благодарен судьбе за шанс оберегать, заботиться и любить его. Пока Чу Синхуань был рядом, у Сяо Хунцзина хватало сил и мужества противостоять всему миру.

В последнее время матушка Лю заметила, что к их главной красавице зачастили посетители. Помимо того господина, который поселился в комнате и не собирался уходить, постоянно приходили люди, похожие на слуг или охранников. Каждый раз они оставляли письма, слезно умоляя передать их лично в руки Чу Синхуаню, как только тот очнется.

Таких писем набралась уже целая стопка, а Чу Синхуань всё не приходил в себя.

006 в тревоге топтался на месте: — Ну почему он до сих пор не проснулся! Хозяин... Хозяин... — и своими несуществующими ручками он коснулся плеча Чу Синхуаня.

А Чу Синхуань в это время был глубоко погружен в свои сновидения.

Ему казалось, что он вернулся в свой прежний мир. У него были полноценная семья, живые и здоровые брат и сестра. На первый взгляд — идеальная и уютная семья. Но Чу Синхуань с детства знал, что родители любят его меньше остальных детей. Хотя они и давали ему всё, что положено ребенку, его доля всегда была заметно меньше, чем у брата и сестры. Будь то внимание, забота или любовь.

Почему, имея достаточно, они не могли разделить всё поровну? Чу Синхуань с детства этого не понимал. А может быть, он был слишком послушным, не боролся, не требовал и не устраивал истерик, что позволяло им естественным образом игнорировать его существование.

В детстве, когда он ходил в школу, ему оставалось лишь завидовать другим детям, которых встречали родители, в то время как он добирался пешком. Родители твердили, что они слишком заняты на работе. Но почему же для брата и сестры их занятость не была оправданием? Когда в школе требовалось присутствие родителей, они говорили ему, что это неважно, и предлагали самому объясниться с учителями. Даже когда он показывал лучшие результаты в школе. Со временем он перестал их спрашивать, потому что заранее знал ответ. Так он и общался с учителями более десяти лет.

В выпускном классе, когда нагрузка была огромной, он видел, как одноклассники после уроков звонили родителям, жалуясь на усталость. Он тоже попробовал один раз. Но в трубке услышал лишь бездушный механический голос, а потом, подгоняемый одноклассниками, в растерянности ушел.

Когда наконец случался выходной, учителя при всех говорили ему, что родители велели добираться домой самостоятельно. Хотя школа находилась в десяти километрах, и никакого транспорта не было. Вернувшись домой, он доедал холодные остатки еды, слушая заученные до дыр нотации родителей: спрашивали об оценках, советовали прилежно учиться и читать книги в каникулы.

Чу Синхуаню понадобилось три года, чтобы пройти путь от раздражения до полного равнодушия.

Во время семейных обедов мама клала первую куриную ножку брату, вторую — сестре, а потом... потом ничего не оставалось. Ведь третьей ножки просто не было. После еды брат и сестра лежали перед телевизором или играли в игры на телефонах, а родители привычно бросали ему: Синхуань, иди помой посуду. Казалось, только в этот момент он был им хоть для чего-то нужен.

Когда наконец закончились выпускные экзамены, в автобусе, везущем учеников обратно, царил оживление, и Чу Синхуань впервые почувствовал проблеск надежды. Но когда начало смеркаться и всех детей разобрали родители, он остался стоять, словно изваяние, ожидая, что родители выполнят свое обещание.

Лишь глубокой ночью, на онемевших ногах, он медленно побрел домой. Он до сих пор помнил, как в полночь луну закрыли тучи, дул холодный ветер, а он просидел пол-ночи у закрытых ворот, чтобы наутро услышать лишь короткое: Я забыла.

Подобные вещи происходили почти каждый день...

Чу Синхуань так и не понял, почему всё так сложилось. Почему весна не пришла в его жизнь, когда он так ждал? Сначала он молча терпел, а потом ему стало всё равно. Но такие мелочи,

накапливаясь, превращаются в огромную гору, способную раздавить человека. Почему, будучи их родной кровью, он был втоптан в грязь? Даже имя, в которое вкладывали любовь и надежды, досталось ему лишь потому, что брат от него отказался.

Поэтому еще в самом раннем детстве он понял, что его существование — это ошибка, что он лишний. Он оброс жесткими колючками, чтобы защитить себя. Каждый раз, когда в семье воцарялась идиллия, он сбегал, понимая, что если он исчезнет даже на всю ночь, никто этого не заметит.

Он начал замечать в себе странности. Казалось, он не испытывал ни к кому ни капли чувств. Он пытался представить, что будет, если с его кровными родственниками случится беда или они умрут — почувствует ли он грусть, проронит ли хоть слезинку? Ответ был — нет. Внутри него не возникло бы ни малейшего волнения. Казалось, в самой его сути отсутствовали такие вещи, как родственная, дружеская или романтическая любовь.

Однако при виде умирающего бездомного котенка или щенка, к которым он не был привязан, он испытывал легкое волнение и даже мог заплакать. Он не знал, врожденное это или приобретенное. Древние говорили о взаимности, но как можно отдать сливу, если тебе никогда не дарили персик?

Но, возможно, именно потому, что у него ничего не было, он так сильно жаждал это получить. Взрослея, он начал мечтать о прекрасной любви. Он хотел создать идеальную семью, хотел найти в любимом человеке те теплоту и привязанность, которых был лишен более десяти лет.

Кто-то говорил, что если тебя не любят — это просто невезение, а вот не уметь любить — это несчастье. Но Чу Синхуань хотел сбросить эти оковы. Он жаждал любить и быть любимым. Он хотел так много любви, чтобы она не помещалась в сердце. Он был готов отдать всё, если бы его желание могло исполниться.

Но до того самого момента, как грузовик сбил его, кровь залила землю, а душа покинула тело — до самого конца его жизни — желание так и осталось неисполненным.

Когда он наконец открыл глаза и увидел склонившегося над ним Сяо Хунцзина, он, кажется, окончательно понял, для чего прошел через всё это.

— Хозяин, Хозяин, ты наконец очнулся! Ты так меня напугал, — 006 в его голове рыдал навзрыд.

Чу Синхуань чуть заметно дернул уголком губ, а затем осторожно коснулся пальцем нахмуренных бровей Сяо Хунцзина.